

Лев Николаевич Толстой

Тихон и Маланья



Лев Николаевич Толстой
Тихон и Маланья
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6539031

Содержание

Лев Николаевич Толстой. Тихон и Маланья	4
Предисловие к электронному изданию	6
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ	10
** ТИХОНЪ И МАЛАНЬЯ.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лев Николаевич Толстой.

Тихон и Маланья

(1860—1862 гг.)

Государственное издательство «Художественная литература»

Москва – 1936

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:

[Государственный музей Л.Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АБВУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 7-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 7-му тому Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого включены в насто-

ящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
info@tolstoy.ru*

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером –компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

1862 г.
Сам себе снял



Л. Н. ТОЛСТОЙ

1862 г.

Размер подлинника.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

**** ТИХОНЪ И МАЛАНЬЯ.**

Въ деревнѣ было пусто и празднично. Народъ былъ весь въ церкви. Только малые ребята, бабы и кое какіе мужики, полѣнившіеся идти къ обѣднѣ, оставались дома. Бабы вынимали изъ печей, ребята ползали около пороговъ, мужики кое что осматривали по дворамъ. На улицѣ было пусто. Былъ Петровъ день.

Въ концѣ улицы слышался ямской колокольчикъ и показалась тройка, запряженная въ почтовую телѣгу.

Одинъ изъ мужиковъ, остававшихся дома, Анисимъ Жидковъ, услыхавъ колокольчикъ, бросилъ телѣжный ящикъ, который онъ переворачивалъ, и, скрипя воротами, вышелъ на улицу посмотреть, кто ѣдетъ. У пристяжныхъ были гривы заплетены съ оборочками, коренная, знакомая ему чалая, была высоко подтянута головой подъ дугу. Она, чуть пошатываясь головой, быстро, раскачиваясь, тронулась на изволокъ, когда ямщикъ, приподнявшись на колѣно въ ящикѣ, крикнулъ на

нее. Лошади были гладки и не потны, несмотря на то, что солнце уже сильно пекло съ совершенно яснаго неба. — Ямщикъ былъ курчавой, въ новомъ кафтанѣ и шляпѣ.

— Ермилинъ Тихонъ! — проговорилъ про себя Анисимъ, узнавая ямщика и выступая въ своихъ новыхъ лаптяхъ на середину улицы.

Тихонъ, проѣзжая мимо Анисима, молча приподнялъ шляпу; и въ выраженіи его лица было видно, что онъ очень счастливъ и знаетъ еще, что всѣ не могутъ не завидовать ему и его тройкѣ, которую онъ самъ собралъ и привелъ въ такое положеніе; и что онъ только старается не слишкомъ оскорбить другихъ довольствомъ, которое онъ испытываетъ. Онъ не крикнулъ на лошадей; снимая новую шляпу, надѣлъ ее не на бокъ, а прямо, только шевельнулъ возжей пристяжную и недалеко отъ Анисима, заворотивъ, сталъ сдерживать тройку, старательно и излишне продолжительно отпрукивая лошадей, которыя и безъ того весьма скромно подходили шагомъ къ знакомымъ воротамъ. Анисимъ, котораго дѣла шли не слишкомъ хорошо это лѣто, съ завистью, но и уваженіемъ, подошелъ къ Тихону, чтобы покалякать съ нимъ.

Старуха мать, одна остававшаяся дома, вышла на крыльцо.

— Слышу, колоколь, думаю, кто изъ ямщиковъ, — сказала она радостно. — Стала опять пироги катать, мнѣ и не слышать. Послушала, а онъ вовсе близко.

— Здорово, матушка! — сказалъ сынъ, соскакивая тяжело-

ми сапогами подлѣ передка.

– Здорово, Тишинька. Живѣ ли, здоровѣ ли?

И она продолжала говорить, какъ и всегда говорила обо всемъ, какъ о воспоминаніи чего-то грустнаго и давно прошедшаго.

– Думаю вотъ, коли нашъ Тихонъ, старика то нѣтъ и бабъ нѣтъ, къ обѣднѣ ушли...

Тихонъ, не дослушавъ ее, вынулъ узелокъ изъ передка, вошелъ въ избу, поклонился образамъ и, черезъ сѣни пройдя, отворилъ ворота. Онъ заткнулъ рукавицы и кнутъ за поясъ, приперъ ворота, чтобъ не зацѣпить, провелъ подъ уздцы пристяжныхъ, скинулъ петли постромокъ, захлестнулъ, раввозжалъ, разсупонилъ, вывелъ, нигдѣ ни стукнулъ, ни дернулъ и, какъ только бросалъ одно, такъ, не торопясь, но ни секунды не медля, брался за другое. Ничто не цѣплялось, не валилось, ни соскакивало у него подъ руками, а все спорилось и ладилось, точно все было намаслено. Когда въ рукахъ у него ничего не было, большіе пальцы его рукъ очень далеко оттопыривались отъ кистей, какъ будто все хотѣли схватить еще что нибудь и сработать. Распрягая, онъ не переставалъ говорить съ подошедшимъ Анисимомъ.

Анисимъ подошелъ, лѣниво выкидывая свои ноги въ лаптяхъ и почесывая пояскомъ животъ подъ бѣлой чистой рубахой. Онъ опять приподнялъ шапку и надѣлъ. Тихонъ тоже приподнялъ и надѣлъ.

– Ай, по молодой женѣ соскучился? – сказалъ посмѣива-

ясь Анисимъ, желавшій распросить совсѣмъ другое.

— Нельзя! — отвѣчалъ Тихонъ.

— Что наши, какъ живутъ? Митрошины? — серьезно уже заговорилъ Анисимъ, почесывая голову.

— Какъ кто. Кто хорошо, а кто и худо. Тоже и на станціи какъ себя поведешь, дядя Анисимъ, — разсудительно и не безъ гордости думая о себѣ, сказалъ Тихонъ.

— Каряго то промѣнялъ чтоли? — теперь ужь могъ спросить то, что хотѣлъ, Анисимъ. — Саврасую то тоже купилъ чтоль?

— Что карій, только батюшка вздорилъ. Его бы давно от-
дать. Того и стоилъ.

И Тихонъ не безъ удовольствія разсказалъ, какъ онъ промѣнялъ, купилъ, сколько выработалъ, и сколько другіе меньше его выработали. Анисимъ предложилъ, шутя и серьезно, поставить ему водки, Тихонъ тихо, но рѣшительно отказалъ.

Между разговоромъ онъ все дѣлалъ свое дѣло. Лошади были отпряжены, онъ повелъ ихъ подъ навѣсъ. Анисимъ, узнавъ все, что ему нужно было, сталъ молча чесаться обѣими руками и, почесавшись, ушелъ. Кинувъ лошадямъ сѣна изъ ящика, Тихонъ сдвинулъ шляпу на лобъ и, оттопыривъ еще больше пальцы, пошелъ въ избу. Но дѣлать было нечего, и пальцы такъ и остались. Онъ только повѣсилъ, встряхнувъ, шляпу на гвоздь, смахнулъ мѣсто, где лежатъ армяку, сложилъ его и въ одной новой александринской рубахѣ, которую еще не видала на немъ мать, сѣлъ на лавку. Портки на немъ были домашніе, материной работы, но еще новые, са-

поги были ямскіе, съ гвоздями. Онъ на дворѣ отеръ ихъ сѣнцомъ и помазалъ дегтемъ. Дѣлать было рѣшительно нечего: онъ расправилъ рукава, смявшіеся подъ кафтаномъ, и сталъ разбирать изъ узелка гостинцы. Для жены былъ ситецъ большими цвѣтами, для матери платокъ бѣлый съ коемочкой, баранокъ была связка для всѣхъ домашнихъ.

— Спасибо, Тишинька, мнѣ то бы и даромъ, — говорила старуха, раскладывая на столѣ свой платокъ и поводя по немъ ногтемъ. — Немного не засталъ. Старикъ еще съ заутрени на поповкѣ остался, а я вотъ домой пошла; молодыя бабы охотились къ поздней идти, подсобили мнѣ горшки поставить и пошли, а я вотъ осталась.

И старуха, уложивъ платокъ въ сундучекъ, опять принялась за работу у печи и, работая, все говорила:

— Все, слава тебѣ Господи, — говорила она, — старикъ только мой отъ ногъ все умираетъ, какъ ненастье, такъ крикомъ кричить, на барщину все больше Гришутка за него ходить. (Гришутка былъ меньшей, не женатый братъ Тихона.) Спасибо, начальники не ссылаютъ. Все Михеичъ старостой ходить. Чтожъ, жаловаться нѣчего, порядки настоящіе ведѣтъ. Только, говорить, въ косьбу Гришутку не посылайте, не вынесетъ, еще младъ. Намеднись барскіе сады косили, такъ старикъ Гришутку послалъ, самъ косу ему наладилъ и Герасима свата просилъ отбивать; такъ какъ измучился, сердечный. — Я, матушка, говорить, не снесу. Всѣ рученки, ноженки заглохло. Да и гдѣ ему? тѣло мягкое, дробное, молодое. Такъ

вотъ и не знаемъ, какъ быть, ты ли на покось останешься, работника ли наймать.

— Ну а про господъ что слыхать? — спросилъ Тихонъ, видимо, но желая даже и говорить о такомъ важномъ дѣлѣ съ бабою, хотя бы она и была его мать.

— Сказывали намерднись, что всѣ будутъ, а то опять замолчали. Молодой тутъ живетъ, да его и не слыхать. Все Андрей Ильичъ завѣдуетъ. Мужики говорятъ ничего, что то только изъ за покосовъ съ нимъ вышло, старикъ знаетъ, онъ на сходкѣ былъ, все расскажетъ. Навозъ свозили, слава те Господи, запахали всю почестъ землю. Осьминника два ли осталось. Старикъ знаетъ. Барщина тоже ничего была. Мужикамъ все дни давали. Вотъ бабамъ такъ дюже тяжело было. Все всѣми да всѣми. Замучали полоньемъ совсѣмъ. Какую то (какъ ее?) свекловичу — чтоли все полютъ. Дома все я, да я одна бьюсь. Твоя баба съ солдаткой, что ни день, то на барщину. Хлѣбушки ставить, коровъ доить, холсты и то я стелю. Покуда ноги служатъ. Незнамо, что дальше Богъ дастъ. Баба то твоя молодая день деньской замучается, а домой идетъ, хороводъ ведетъ, пѣсенница такая стала, гдѣ и спрашивать съ нее, человѣкъ молодой, куражный, а народъ хвалить, очень къ работѣ ловка, и худого сказать нѣчего. Ну съ солдаткой другой разъ повздорять — нельзя. Старикъ покричитъ и ничего. То то рада будетъ, сердешная. Не чаяли мы тебя дожидаться. Вчера пирогъ ставила, думала, кто мой пирогъ кушать будетъ. Кабы знала, пѣтушка бы зарѣзала для сынка до-

рогаго. Слава Богу, насѣдка вывела, трехъ продали.

Старуха говорила все это и много еще другаго разсказала сыну, про холсты, про гумно, про стадо, про сосѣда, про прохожихъ солдатъ, и все дѣлала свои дѣла и въ печи, и на столѣ, и въ клети. А Тихонъ сидѣлъ на лавкѣ, кое что спрашивая, кое что самъ разсказывая, и, взявъ на знакомомъ мѣстѣ гребешокъ, расчѣсывалъ свои кудрявые, густые волосы и небольшую, рыжеватую бороду и съ удовольствіемъ по-сматривая въ избѣ то на панёву хозяйки, которая лежала на полатяхъ, то на кошку, которая сидѣла на печи и умывалась для праздника, то на веретено, которое сломанное лежало въ углу, то на курицу, которая безъ него занеслась и съ большими цыплятами зашла въ избу, то на кнутъ, съ которымъ онъ самъ ѣзжалъ въ ночное и который Гришка бросилъ въ углу.¹ Не одни его оттопыренные пальцы, но и внимательные, поглядывающіе на все глаза просили работы, ему неловко было сидѣть, ничего не дѣлая. Онъ бы взялъ косу, отбилъ бы, починилъ бы завалившуюся доску на палатяхъ или другое что, но во время обѣдни нельзя работать. Наговорившись съ старухой, онъ поднялъ охлопавшійся кнутъ, досталъ пеньки, вышелъ на крыльцо и на гвоздѣ, у порога, сталъ свивать хлопокъ своими здоровыми ручищами, сдѣланными только для того, чтобы пудовиками ворочать, и все поглядывалъ по улицѣ, откуда долженъ былъ идти народъ изъ церкви. Но еще

¹ Зачеркнуто: Все ему это мило было, потому что все это напоминало ему Маланью, его хозяйку.

никого не было, только мальчишки въ вымытыхъ рубахахъ бѣгали около пороговъ. Мальчишка лѣтъ пяти, еще въ грязной рубахѣ, подошелъ къ порогу и устоялся на Тихона. Это былъ солдаткинъ сынъ, племянникъ Тихона.

— Сёмка, а Сёмка, — сказалъ Тихонъ, — ты чей? — улыбаясь на самого себя, что онъ съ такимъ мальчишкой занимается.

— Солдатовъ, — сказалъ мальчикъ.

— А мать гдѣ?

— Въ кобѣднѣ, и дѣдушка въ кобѣднѣ, — щеголя своимъ мастерствомъ говорить, сказалъ мальчикъ.

— Аль ты меня не призналъ? — Онъ досталъ изъ кармана одинъ бубликъ и далъ ему.

— Вонъ она, кобѣдня! — сказалъ мальчикъ на распѣвъ, указывая вдоль по улицѣ и бессознательно вѣвляясь въ бубликъ.

— А кто я? — спросилъ Тихонъ.

— Ты?... дядя.

— Чей дядя?

— Тетки Маланьки.

— А тетку Маланьку знаешь?

— Семка, — закричала старуха изъ избы, слышавшая голосъ парнишки, — гдѣ пропадаешь? Иди, чортовъ парнишка, иди, обмою, рубаху чистую надѣну.

Парнишка полѣзъ черезъ порогъ къ бабкѣ, а Тихонъ всталъ, хлопнулъ раза два навитымъ кнутомъ, чтобъ уви-

дать, хорошо ли.² Кнуть хлопаль славно. —

Парнишку раздѣли голаго и обливали водой. Онъ кричалъ на всю избу.³ Тихонъ стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на улицу. День былъ красный, жаворонки вились надъ ржами. Ржи лоснились. Въ роцѣ сохла роса съ солнечной стороны и пѣли птицы. Народъ шель изъ церкви. Шли старики большими, широкими шагами (шагами рабочаго человѣка), въ бѣлыхъ, за ново вымытыхъ онучахъ и новыхъ лаптяхъ, которые съ палочками, которые такъ, по одному и по парно; шли мужики молодые, въ сапогахъ; староста Михеичъ шель въ черномъ, изъ фабричнаго сукна кафтанъ; шель длинный, худой и слабый, какъ плетень, Ризунъ, Ѡоканычъ хромой, Осипъ Наумычъ бородастый. <Всѣхъ этихъ мужиковъ и бабъ мнѣ нужно будетъ описать въ этой исторіи>. Шли дворовые, мастеровые въ свиткахъ, лакеи въ нѣмецкихъ платьяхъ, дворовскія бабы и дѣвки въ платьяхъ съ подзонтиками, какъ говорили мужики. На нихъ только лаяли крестьянскія собаки. Шли дѣвочки табунками, въ желтыхъ и красныхъ сарафанахъ, ребята въ подпоясанныхъ армячкахъ, согнутыя старушки въ бѣлыхъ чистыхъ платкахъ, съ палочками и безъ палочекъ.

² Зачеркнуто в ркп. II: и какъ будто что-то вспомнилъ, пошелъ въ избу <онъ посмотрѣлъ еще въ улицу>, взялъ свой кафтанъ, женину синюю поддевку и вышелъ на дворъ.

³ Зачеркнуто в ркп. II: Тихонъ вышелъ на дворъ, досталъ сѣнца отъ лошадей, посмотрѣлъ было въ сани, но ему не понравилось, и влѣзъ на амбаръ. На амбарѣ онъ постелилъ свой кафтанъ на сѣно и, чему то посмѣиваясь, слѣзъ опять и вышелъ за ворота.

Ребятницы съ бѣлыми пеленками и холостыя пѣстрыя бабы въ красныхъ платкахъ, синихъ поддѣвкахъ, съ золотыми гадунами на юбкахъ. Шли весело, говорили, догоняли другъ друга, здоровкались, осматривали новые платки, бусы, коты прошивные.⁴ Всѣ они были знакомы Тихону; по мѣрѣ того какъ они подходили, онъ узнавалъ ихъ. Вотъ Илюшины бабы <щеголихи> идутъ. «Какъ разрядились, – думалъ Тихонъ, – и къ другимъ не пристають», <не отъ того, что у нихъ платки и сарафаны лучше всѣхъ, но отъ того, что самъ строгій старикъ свекоръ идетъ той стороною дороги и посматриваетъ на нихъ.> Вонъ мальчишки идутъ за Илюшей и <втихомолку> смѣются надъ нимъ. <Вонъ Осипъ Наумычъ идетъ одинъ въ лаптяхъ и старомъ кафтанишкѣ, а Тихонъ знаетъ, что у него денегъ станетъ всю деревню купить.> Вонъ идетъ худая, разряженная баба, убрана какъ богачка, а Тихонъ знаетъ, что это самая послѣдняя, завалиющая баба, которую мужъ ужъ давно бить пересталъ. Идетъ прикащица съ зонтикомъ, разфрантилась, и работница ихъ, Василиса, въ красной занавѣскѣ. А вотъ Матрешкинъ, дворовый, красную кумачевую рубаху вчера купилъ въ городѣ, надѣлъ, да и самъ не радъ, какъ на-

⁴ Зачеркнуто в ркп. II: <Весело смотрѣть на <праздничный> народъ, когда онъ въ праздникъ идетъ изъ церкви, да еще веселѣй, какъ знаешь этотъ народъ, какъ всякаго знаешь и что къ чему знаешь. Вотъ> Ермилины бабы щеголихи идутъ и къ другимъ не пристають, не отъ того, что у нихъ платки и сарафаны лучше всѣхъ, но оттого что самъ старикъ Ермила, свекоръ, идетъ той стороною и посматриваетъ на нихъ. Бѣда, коли увидить, что онѣ съ ребятами играть станутъ или что. Мальчишки стороною идутъ, подальше обходятъ Ермила и смѣются надъ его брюхомъ.

родъ на него дивится. Вотъ Ооканычева дѣвка съ дворовыми идетъ, съ Маврой Андреевной разговариваетъ, оттого что она грамотница, въ монастырь хочетъ идти. Вотъ Минаевы идутъ сзади, и баба все воетъ, должно, хоронила кого, а вонъ Ризунова молодайка идетъ, <какъ купчиха разряженная и> все въ пеленки лицо прячетъ.⁵ Видно, родила, причащать носила. Вонъ Болхина старуха съ клюкой, шла, устала, сѣла <и все молится Богу и проходимъ говорить, что она нынче въ послѣдній разъ въ церкви была, что ужъ смерть ея пришла за ней. И поглядѣть на нее, такъ кажется, что правда.> Все жива старуха. А ужъ лѣтъ 100 будетъ. А вотъ и мои – старикъ большими шагами шагаетъ, и все горбъ у него такой же, – думалъ Тихонъ. – Вотъ и она... <Красавицу, кто бы она ни была, баба ли, барышня ли, издалека видно. И идетъ она иначе, плыветъ точно, и голову несетъ и руками размахиваетъ не такъ, какъ другія бабы, и цвѣта-то на ней ярче, рубаха бѣлѣе и платокъ краснѣе. А какъ красавица она, да своя, такъ еще дальше узнаешь; такъ-то и> Тихонъ съ другого конца улицы узналъ свою бабу. Маланья шла съ солдаткой и съ двумя бабами. Съ ними же шелъ замчной солдатъ въ новой шинели, казалось, ужъ пьяный, и что-то рассказывалъ, махая руками. Цвѣта на Маланьѣ всѣхъ ярче показались Тихону. <Маланья гдѣ бы ни была, всегда къ ней приставали, около нее сходи-

⁵ Зачеркнуто в ркп. I: она послѣ родовъ въ первый разъ въ церкви была и ребенка причащала. Вонъ солдатъ замчной в новой шинели идетъ, ужъ пьянъ, гдѣ то набрался, къ бабамъ подлипаетъ.

лись другія молодайки, мужики и молодые ребята, проходя мимо, замолкали и поглядывали на нее. Даже старикъ рѣдкій проходилъ, чтобъ не посмѣяться съ ней; ребята и дѣвочки обходили ее, косились и говорили: «Вишь Маланька-то, Маланька-то какъ идетъ».>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.